

УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)
К60

*Книга составлена на основе материалов,
опубликованных на интернет-портале
gazeta.ru*

Колесников, Андрей Владимирович.

К60   ООО «Кремль». Трест, который лопнет / Андрей Колесников. –
Москва : Алгоритм, 2015. – 224 с. – (Власть без мозгов).

ISBN 978-5-906798-41-1

Автор этой книги Андрей Колесников – бывший шеф-редактор «Новой газеты», колумнист ряда изданий, автор ряда популярных книг, в том числе «Спичрайтеры» (премия Федерального агентства по печати), «Анатолий Чубайс. Биография», «Холодная война на льду» и т.д.

В своей новой книге Андрей Колесников показывает, на каких принципах строится деятельность «Общества с ограниченной ответственностью «Кремль». Монополия на власть, лидирующее положение во всех областях жизни, списывание своих убытков за счет народа – все это было и раньше, но за год, что прошел с момента взятия Крыма, в деятельности ООО «Кремль» произошли серьезные изменения. Наряду с растущими агрессией, недоверием ко всем «не-нашим», со стремлением к силовым методам в управлении, в ООО «Кремль» идут процессы «поперек мировых трендов», губительные для самого этого общества, пишет автор и подробно рассказывает, какие именно.

В итоге, как бы ни старались кремлевские специалисты по пропаганде, ООО «Кремль» неминуемо лопнет, утверждает он и приводит целый ряд признаков грядущего краха.

**УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)**

ISBN 978-5-906798-41-1

© Колесников А., 2015
© ООО «ТД Алгоритм», 2015

TRUST, КОТОРЫЙ ЛОПНЕТ

Импичментизация страны

Кончина легендарного журналиста Дэвида Фроста, известного широкой публике по отменному фильму Рона Ховарда «Фрост против Никсона», заставила вспомнить фразу, сказанную Ричардом Никсоном в ходе многочасового интервью тележурналисту в 1977 году: «Никсон: Ну, если президент делает что-то, это означает, что все законно. Фрост: По определению. Никсон: Точно. Точно...»

Именно эта убежденность Никсона в собственной правоте и привела его к всеобщему публичному осуждению и импичменту. Кончилось все тем, что он попросил у нации прощения — за все эти прослушки, вторжения в частную и политическую жизнь, за все то, что называлось Huston Plan (по имени советника Белого дома Тома Хастона), за все то, что затевалось ради «национальной безопасности». Потому что все, что сам президент считал значимым с точки зрения национальной безопасности для себя, он считал значимым для американского народа. В этом контексте он вполне мог бы повторить: «Государство — это я».

Но Никсон оказался в неправильном месте в неправильное время. Место — Соединенные Штаты, иронизируй — не иронизируй, а оплот демократии, и не только процедурной. Время — раскрепощение демократической энергии по всему миру, антивоенное движение, окончание вьетнамской войны, символа ошибок нескольких поколений американских президентов.

И Никсон — монстр, не желавший на деле ничего менять, вдруг стал персонифицированным символом разрядки. Как примитивный персонаж примитивной истории, про которого шутили, что это у него не волосы волнистые, а голова волнистая. Как человек, который, будучи антисемитом, в дни импичмента просил своего госсекретаря Генри Киссинджера помолиться вместе с ним. Как антикоммунист, наладивший такие отношения с Советами, которые и Кеннеди не снились. Как романтик, ставший жестким прагматиком.

Он считал, что если нарушит закон или обыкновения здравого смысла, которые в Америке зачастую одно и то же, то сделает это во благо нации или ее безопасности. А законы — подождут. В этом смысле он пошел против системы, против обычаев, против законов, против институтов, которые, как выяснилось, все еще работают. Он стал адептом ручного управления в стране, где все управляется институтами. Институты ответили ему импичментом. Нарушение этики не было прощено. Поскольку в этой системе нарушение этики — это нарушение правил, а нарушение правил — это нарушение работы институтов.

В принципе, все произошло автоматически, могло и не понадобиться вмешательства человеческого фактора. Публикации в *The New York Times* документов, разоблачавших вьетнамскую войну, а затем материалов Боба Вудворда и Карла Бернштейна в *Washington Post*, внешне были действиями людей (по первому поводу даже состоялось решение Верховного суда США), а в реальности оказались действиями институтов — свободной прессы и независимой судебной системы.

Демократия срабатывала на автомате. Институты работали, как исправная система с фотоэлементом. Человек, нарушивший правила и, по сути, «инструкцию» функционирования президента, был автоматически выброшен системой.

Сегодня у нас в России управление тоже осуществляется опытным путем, на ощупь. В Конституцию у нас давно никто не заглядывал, а человек, принимавший участие в ее написании, отчитывается перед пресс-секретарем президента как мальчишка за то, что нарушил не институциональные правила, а неясные обыкновения бюрократии (Сергей Шахрай, сообщивший, что в Счетной палате на смену Сергею Степашину идет Татьяна Голикова, получил жесткую отповедь пресс-офицера). Институты, в том числе прописанные в Конституции, — правительство, парламент, суды, СМИ — дремлют, а менеджмент осуществляется методом пожатия «рук» тюленям, ловлей щук, целованием мальчишек, разборками на совещаниях — вживую или по видеосвязи.

Только это не сбой в системе, не сломанный автомат, не потерявший программу институт — это и есть суть работы системы. В ней и в самом деле все решает первое лицо («по определению... точно, точно...»), его усмотрение, его прихоть. Институт, любой институт, работает, как пишется в бюрократических бумагах, «по согласованию». Чтобы запустить в действие автомат с газированной водой, надо даже не стукнуть по нему кулаком, а попросить разрешения президента. И то, если согласовал один высший чиновник, а другой об этом согласовании ничего не знает, автомат может и не быть запущен в действие. И уж если первое лицо что-то нарушает, если оно задумало запуск серии репрессивных законов, остановить его не могут ни правительство, ни парламент, ни суд, ни пресса. Ни один из спящих институтов, в теории отделенных один от другого системой сдержек и противовесов.

Потому что в такой системе усмотрение первого лица и есть один-единственный институт, который, правда, работает не системно, не автоматически, а как бог на душу положит.

В такой системе тот же импичмент первому лицу невозможен. Скорее, первое лицо само вынесет импичмент. Если понадобится — всей элите, а если сильно понадобится — то и всей нации.

2013 г.

Бремя имперского человека

Как Редьярд Киплинг осознал «бремя белого человека» («Неси это гордое Бремя — / Воюй за чужой покой»), так и президент Российской Федерации несет на себе «бремя имперского человека». Это своего рода миссия. И в этой логике попытка присоединения части «исторической Руси», земель Восточной Украины, к России — вполне возможный сценарий.

А попутно можно решить еще целый ряд задач: мобилизация населения России вокруг идеи защиты русских на Украине, расправа с пятой колонной в стране, формирование образа внешнего (Запад) и внутреннего (либеральный хипстер-интеллигент, креакл, борец за права меньшинств) врага, окончательное утверждение ультраконсервативных ценностей в границах триады графа Уварова в качестве государственной идеологии. К тому же Украина — предмет особого внимания власти. Без нее воображаемая империя — не империя.

Права русских по-настоящему, а не так, как на Украине, нарушались в том же Туркменистане. Но никто и не думал вводить туда войска. Потому что, как выразился один коллега, там — газ. И там — китайцы, а это вам не Обама.

Россия — колониальная держава, только колониальная администрация действует избирательно и не суется туда, где ей могут дать по рукам, по пробковой шапке-ушанке. Или по карманам...

Когда в 1968-м вводили в танки в Чехословакию, внешне не пеклись о чистоте марксистского учения, а на деле — о единстве империи, в которой официальный марксизм был лишь одной из скреп, как сейчас — официальное православие. Поэтому логика брежневского Политбюро схожа с логикой политбюро нынешнего.

Поэтому столь пугающим кажется трогательное единство элит: ни одного голоса против, гробовое молчание, прерываемое таким подхалимажем по отношению к первому лицу, что даже товарищ Сталин насторожился бы, приостановив свое движение в мягких кавказских сапогах по паркету.

Замороченность на зонах влияния, акцент на территориальных приобретениях и потерях в постиндустриальную эру кажутся безнадежно устаревшими. Время империй прошло, их место теперь занимает «мягкая сила». Побеждают маленькие и динамичные страны, где портрет правителя, по выражению Набокова, не превышает размера почтовой марки, а вместо имперской площади, украшенной охраняемым трупом, огламуренным катком и магазином с нигде более в природе не существующими ценами, — приветливая ратушная площадь.

Но империя, живущая в голове первого лица, пребывает еще в индустриальной эпохе, и она должна быть овегетствлена в земле и людях. И с этим ничего поделать нельзя, особенно если никто из страха не говорит ни слова против. Даже несмотря на то, что почти каждого, кто в банях и частных беседах в «Боско кафе» клянет режим похлеще хипстеров, в зарубежье ждет своя асиенда Каса-дель-Корво с прекрасными майн-ридовскими креолками...

Путин по формуле Киплинга будет воевать «за чужой покой» (точнее, за то, что считается покоем) невзирая ни на что. Ни на угрозу внешней изоляции, ни на риск полного инвестиционного провала, ни на потери бизнеса, ни на

падение рубля и прочие последствия, бьющие по простым гражданам, о которых эта власть так печется на словах. Больше того, эта власть убеждена, что все проблемы, возникшие в связи с украинским кризисом, рассосутся так же, как они исчезли, когда время затянуло моральные раны после грузинской кампании 2008 года. Что, Запад перестал с нами общаться? Ничего подобного. Проглотят и сейчас.

Что же до социальных последствий... Первое лицо не верит в то, что люди выйдут на улицу. И скорее всего, он прав: в ситуации затягивания поясов русский человек начинает искать новые способы выживания и адаптации к действительности, а не выходит протестовать.

Начальство вовсе не думает, что оно в чем-то ущемляет собственный электорат. Ну жажнется рубль. Ну инфляция вернется к двузначной цифре. Ну вместо вялого роста «околоноля» начнется спад. Не жили хорошо, и нечего начинать. В конце концов, можно снять министра экономики, с треском изгнать премьера.

Главное, чтобы народ сплотился вокруг лидера, за русскую империю и против, как выражается коллега Леонид Гозман, «жидобандеровцев». Для Путина это шанс: он считает, что тем самым создает русскую нацию, даже на зависть тем, кто когда-то сформировал «новую историческую общность — советский народ». Пусть это будет новая историческая общность, лишь бы косоворотка сидела!

Что может остановить первое лицо? Что может остановить процесс сознательного движения к изоляции от мест летнего и зимнего отдыха продвинутых депутатов и чиновников, экономическому развалу с рублем, похожим на необъезженного мустанга, политическому бетонированию всех живых площадок? Надо отдавать себе отчет в том, что пока — ничто.

Растерянная фраза Меркель в разговоре с Обамой — у нее есть сомнения, что Владимир все еще на связи с ре-

альностью (in touch with reality, по версии The New York Times), — тому доказательство. Никто не знает, что с этим делать, особенно на фоне того, что национал-патриотическая истерия таки удалась. В жанре августа 1914 года. И мало кого волнует, что это политическое самоубийство, хотя, возможно, и растянутое во времени.

После 1914-го наступает 1917-й, после 1968-го — 1985-й. Это законы истории, stupid...

2014 г.

Крым — это нормально

Рано или поздно персоналистский режим приходит если не к войне, то к идее войны. Это и способ мобилизации населения, и метод сплочения граждан вокруг лидера. Технология укрепления и удержания власти, невзирая на сопутствующие трудности в виде международной изоляции (Запад проглотил грузинскую интервенцию, побуянит и успокоится) и экономических проблем (справились даже в 1990-е с чеченской войной, и уж тем более справимся сейчас).

Словом, мощнейшая духовная скрепа, естественная, органичная, технологичная. Националистичная, автаркичная, империалистичная, не хуже официозного православия.

Это результат естественной эволюции режима. Он начинался с упований на либерального Пиночета. Затем эволюционировал в сторону советского гимна («мы с народом ошибаемся»), равноудаления и дидактически-нравоучительной посадки Михаила Ходорковского. Потом — в сторону nepотизма, огосударствления экономики, формирования наследственной «вельветовой» диктатуры, системы, где власть и собственность слиты воедино. После того как операция «Преерник» была признана неудачной — в

сторону окончательно оформленного авторитарного государства с имитационными институтами демократии, профанным парламентом, перераспределением вотчин и балансированием власти между духовно и служебно близкими кланами, сосуществующими благодаря ручному управлению.

Получился режим, держащийся на страхе (дрессированные элиты, боящиеся слово молвить и сделать неверный шаг) и подкупе (элиты платят лидеру, лидер перераспределяет доходы в пользу широкого избирателя — пока эти доходы в принципе есть, разумеется). Вяло бредут рядом элиты-попутчики — служивые либералы, балансирующие бюджет и денежно-кредитную политику, всячески зажимающие носы, когда речь идет о политике, а также карьерные дипломаты с идеально раздвоенным сознанием, позволяющим одновременно вести кухонные диссидентские разговоры, и с городом и миром беседовать на языке МИДа времен Молотова и Громыко.

Попутчики обслуживают интересы мейнстримовского православно-имперско-чекистского клана. И лично первого лица, которое заменило в стране все институты, оставшись одним-единственным институтом, рулящим в режиме ручного управления и перераспределяющим блага в пользу электората системы «уралвагонзавод».

Это, в терминах исследователя диктатур Брюса Буэно де Мескиты — не электорат, а селекторат. Тот круг людей, которые реально избирают лидера. И держатся у власти благодаря его воле и исполнению его поручений. Здесь и политическая элита, и ближний круг, и олигархи. По определению того же де Мескиты: «Коррупция дает власть, абсолютная коррупция дает абсолютную власть». Коррупция здесь понимается в широком смысле — как обмен внутри своего круга благами, креслами, услугами, коммуникационными возможностями.

Попутно избирается путь жесткого подавления любой оппозиции, кроме официальной. А цена квазиоппозиции стала понятной во время наступившего крымского кризиса — все в едином порыве «за» решения руководства.

И тем не менее, как говорилось в одном известном произведении, «и примешь ты смерть от коня своего». Элиты, которые уже не способны отличить свою собственность от государственной власти и свою власть от чужой собственности, все равно бывают разные. Одни кланы довольны ситуацией, когда все решается по усмотрению первого лица, другие, напротив, не слишком удовлетворены вечной непредсказуемостью.

В работе Милана Сволика из Университета Иллинойса «Политика авторитарного правления» выделяются две проблемы авторитаризма. Первая — удержание авторитарного контроля. Тут все понятно: дави, подкупай и покупай, чтобы не было вот этого Оссуру. Вторая — авторитарное разделение власти. В условиях отсутствия реального разделения властей речь идет о перераспределении влияния внутри элит. И хотя их сковывает страх, они могут быть недовольны распределением политико-аппаратных весов, масштабами неформальных «сборов» и навешиваемых «социальных обязательств». Милан Сволик приводит любопытную историческую статистику по 316 авторитарным лидерам (с 1946 по 2008 год), согласно которой восстановления, конечно, играют большую роль в «неконституционных» методах устранения автократов (32 случая). Но в 2/3 случаев (205 казусов такого рода) первые лица были смещены «инсайдерами режима», то есть в результате заговора элит. И удаление Никиты Хрущева — лишь один из таких поучительных кейсов.

Если в сегодняшней России и зрел такой заговор элит, то его конструкция подпорчена крымским кризисом. И вот почему. Единодушие, с которым все российские элиты под-

держивают уже, по сути, состоявшееся решение президента России о присоединении Крыма, связано со стремлением оседлать патриотическую волну. Лучше уж подниматься на этой волне со всеми лодками, чем идти против течения: при таком приливе могут и утопить. Истерия и страх движут политиками, финансистами, ближним кругом, идеологической обслугой. Они хотят быть со своим народом там, где он, к несчастью, был, как сказала Ахматова, правда, по другому, хотя и близкому поводу.

Российский империализм развивается по законам выделения вотчин вассалам — «стационарным бандитам». Как на кормление кадыровцам отдана Чечня, лишь бы лояльность проявляли, точно так же и Крым с его небезупречным руководством со скошенными от вечного вранья глазами будет передан верным слугам Москвы, но опять таки за деньги.

Скоро лозунг «Хватит кормить Крым!» станет столь же популярным, как и «Хватит кормить Кавказ!».

Это крайне расточительная политика. И это тоже результат эволюции режима от либерального пиночетизма к чекистскому госкапитализму и империализму. Но генеральная линия не останавливается ни перед чем: ни перед внешнеполитическими издержками, ни перед предсказуемой экономической турбулентностью, ни перед социально-политическими последствиями. Ведь считается, что, во-первых, пострадавший по финансово-экономической части народ не пойдет на площади, а заведет свои «Жигули» и отправится на отхожий промысел и, во-вторых, степень сплочения вокруг лидера в связи с территориальными претензиями теперь такова, что никто против него и не собирается выступать.

Скорее наоборот: тем самым по-настоящему создается российский народ, как когда-то была сформирована мето-

дом сплочения на прочной марксистско-ленинской основе «новая историческая общность — советский народ».

Словом, как когда-то Берлинский и Карибский кризисы спланивали советский народ перед лицом внешней угрозы, так и теперь Крымский кризис породил новую «симферопольско-севастопольскую скрепу».

Что позволило режиму войти в стадию устойчивой автократии. Можно было бы это явление назвать новой нормальностью. Если бы оно не было совершенно ненормальным для XXI века.

2014 г.

Товарищество на хрупком доверии

Парадоксы автократии по-русски. Доверие к первому лицу в российском государстве, по данным Левада-центра, растет вместе с позитивным отношением к нему («восхищение, симпатия, не могу сказать ничего плохого»). И в то же самое время увеличивается число респондентов социологов, которые считают, что Владимир Путин выражает интересы силовиков, олигархов, бюрократии, то есть тех страт, отношение к которым негативное.

Старая, как «русский мир», конструкция: хороший царь, плохие бояре. Точнее, даже так: хороший царь, опирающийся на плохих бояр и покрывающий их.

Почему так происходит? Потому что почти полтора десятилетия не было ротации власти, а Путин, по оценке россиян, «опытный политик». За такое время почему бы опыта и не набраться? Да и других политиков у нас для вас нет. Эта модель безотказно, как автомат Калашникова, работает уже много лет.

Главное — основной фактор, все последние годы работавший на положительный образ Владимира Путина, в

еще большей степени укрепился: он «вернул России статус великой уважаемой державы».

Понятно, что уважаемой внутри страны, а не вне. Но для большинства населения это неважно. Наоборот: если внешний мир боится и возмущается, значит, уважает. Август 2010-го — 36% опрошенных отмечают это положительное свойство президента, февраль 2013-го — столько же. Март 2014-го — колоссальный скачок до 51%. Чем больше Крыма, тем прочнее статус «великой и уважаемой».

В чем хрупкость конструкции? Путин — не президент всех россиян, «согласных» и «несогласных».

Лишь 14% считают, что он выражает интересы всех без исключения слоев населения (хотя этот показатель существенно вырос). Система ручного управления, внутри которой остается один работающий институт — президент, который сам себе парламент, правительство, СМИ и профсоюз, — приписывает все успехи одному человеку. Но и неудачи припишет ему же: 82% считают, что Путин целиком несет ответственность «за проблемы, стоявшие перед страной во время его правления». А рейтинг доверия — это колеблемый треножник: он растет, но при этом очень далек от своих же пиковых значений, а до этого довольно существенно падал.

Действие крымской инъекции не бесконечно. И тогда для поддержания рейтинга придется совершать новые подвиги. Вопрос: какие? И какова будет их цена? В том числе для физического и экономического благосостояния россиян, проблемы которых, в основном социального свойства, как они признаются социологам, так и не решены. Кем не решены? Тем, кто взял всю ответственность на себя. А впереди — санкции, стагфляция, мобилизационная экономика, опора на собственные силы.

Психология осажденной крепости рождает патриотизм, только не позитивный и оптимистический, а негатив-

ный и пессимистический. Где больше истерии, чем разума, эмоций, а не рассудка.

Да, патриотическая волна развязала руки. Первое лицо отвязаннее говорит с миром и жестче ведет себя с теми, кто не согласен с его политикой. Его челядь бежит впереди паровоза, проявляя инициативу и принося верховному главнокомандующему дары, головы и скальпы врагов, сбившихся в пятую колонну, фактически приравненную к пленным немцам, которых проводили по улице Горького во время войны.

Но с кем останется патрон нации к концу своего срока? С каким ресурсом и качеством поддержки? С какой элитой? Поддакивающей ему во всем, но неэффективной и некачественной — от страха и сервильности? Внешне преданной, но внутренне нелояльной?

На выходе получается страна — этакое товарищество на доверии, где нет доверия.

Где не нужны обязательства друг перед другом, а только перед первым лицом. Где депутаты и чиновники подотчетны не народу — источнику власти, а верховному начальнику. Где нет правил, потому что они устанавливаются не раз и навсегда и легко изменяются в режиме ручного единоличного управления. Где, когда надо, попрекают Конституцией, а когда надо — севрюжиной с хреном.

Жизнеспособность такой конструкции с облупившимся тефлоном сомнительна. Можно поддерживать ее в рабочем состоянии с помощью консервативной идеологии. Но и переоценивать эффективность мозгопромывочного механизма системы «Россия-не-Европа» не стоит. Лишь 11% россиян волнует «духовное возрождение России». Меркантильным и очень земным россиянам подавай экономический рост и борьбу с коррупцией (62 и 44% соответственно).

Из всех в мире «духовностей» россиянин предпочитает продовольственную корзину. Кстати, сильно завязанную на импорт из отныне духовно чуждых стран.

Путин может оказаться заложником собственного высокого рейтинга. Да, это уже не рейтинг надежд и ожиданий. Это рейтинг приятной войны без единого выстрела и легкой победы в купальнике и ластах. Победы, пахнущей морем, платанами, массандровскими винами и ласкающими слух топонимами — Партенит, Симеиз, Форос... Но решительно непонятно, как выбираться из западни международной изоляции, экономических проблем и диковато-архаичного сознания, измеряемого разными степенями глупости депутатских инициатив.

До следующих выборов еще долгих четыре года, которые нужно чем-то заполнить. И предъявить нации, этому товариществу на хрупком доверии, что-то не хуже Крыма и нечто побольше, чем «выполнение всех социальных обязательств».

Даже страшно подумать что.

2014 г.

Партия ренты

Недавно президент России напугал свою широкую, как чеховская степь, социально-электоральную базу проникновением в нашу страну зарубежной мягкой силы. Среди инструментов мягкой силы были помянуты недобрым словом «карманные неправительственные организации». Параллельно Министерство юстиции РФ принудительно занесло в список иностранных агентов ряд гражданских структур, включая общество «Мемориал».

Говорят, что когда родственники и друзья погибших в катастрофе Boeing звонят по их телефонам, на том конце